

ТЕОРИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИ СУЩЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ И „ФОНЕТИЧЕСКАЯ МЕТОНИМИЯ”

М. В. РАЕВСКИЙ

В конце 60-х гг. выдающийся советский филолог М. И. Стеблин-Каменский опубликовал статью, в которой обратил внимание читателей на перенос фонологических терминов в описания нефонологических явлений, широко распространившийся в последние десятилетия. Справедливо усматривая в нем „одно из проявлений того влияния, которое фонология как наиболее богатая достижениями область языкознания оказала на другие его области”, он в то же время подчеркивал неправомерность метафорического употребления фонологических терминов, так как термин, „обозначающий не точно и не данное явление, используется в функции, противоречащей его сущности” [Стеблин-Каменский, 1974, с. 79, 80].

Нечто подобное наблюдается в течение примерно полувека и в самой фонологии, точнее, в том ее разделе, который посвящен теории фонологически существенных признаков. Но если в работах по грамматике и семасиологии применяются „фонологические метафоры”, то в фонологии используется другой вид тропов, а именно — метонимии, при которых один предмет обозначается названием другого предмета, находящегося с первым в отношении ассоциации по смежности. Речь идет о том, что для обозначения фонологически существенных (релевантных, различительных, дифференциальных, дистинктивных) признаков, с помощью которых описывается фонологическое содержание отдельных фонем, а следовательно, и их соотношение друг с другом, берутся термины артикуляционной (физиологической), реже перцептивной фонетики, соответственно называющие элементарные движения отдельных органов речи или ориентированность этих движений в полость рта и отдельные особенности восприятия конкретных звуков человеком. Между тем звуки речи, являющиеся теми единичными феноменами, в которых как общее существуют фонемы данного языка, представляют собой колебания воздушной среды, т. е. имеют акустическую природу.

Примером такого метонимического употребления артикуляционно-фонетических и перцептивно-фонетических терминов для нужд фонологии конкретного языка может служить перечень дифференциальных

признаков, который предложен авторами академической „Русской грамматики“ для описания русских гласных и согласных фонем. Так, гласные фонемы характеризуются с помощью признаков степени подъема языка и отсутствия или наличия лабиализации. И в том и в другом случае использованные термины обозначают прежде всего различные положения языка, которые он может принимать в вертикальной плоскости, и нейтральное положение губ или их округление. Согласные фонемы описываются с помощью следующих признаков: шумная, сонорная, глухая, звонкая, смычная, аффриката, щелевая, смычно-проходная боковая, смычно-проходная носовая, дрожащая, губно-зубная, губно-губная, зубная, небно-зубная, средненебная, задненебная, твердая, мягкая [Русская грамматика, 1980, с. 73–74]. Как видно, для обозначения этих признаков взяты в основном артикуляционно-фонетические термины (смычная, аффриката, щелевая, смычно-проходная боковая, смычно-проходная носовая, дрожащая, губно-губная, губно-зубная, небно-зубная, средненебная, задненебная), а также перцептивно-фонетические термины (глухая, звонкая; твердая, мягкая). Лишь в двух случаях использованы акустико-фонетические термины (шумная, сонорная).

Налицо совершенно необычная ситуация: фонология, т. е. наука о функциях звуковых единиц (фонем), используемых в различных языках для построения звуковых оболочек значащих единиц языка (морфем, слов, словоформ), описывает свойства и стороны, помогающие отождествлять эти звуковые единицы или отличать их одну от другой, не в адекватной природе фонем акустических терминах, а в терминах, отражающих процессы звукопроизводства и звуковосприятия. Алогичность этой ситуации побуждает к выяснению причин, приведших к ее возникновению, и поискам возможных путей выхода из нее.

Метонимическое употребление фонетической терминологии для нужд теории фонологически существенных признаков возникло и упрочилось в силу действия ряда причин.

Первая причина коренится в отсутствии единства мнений по вопросу о природе фонологически существенных признаков. Н. С. Трубецкой считал, напр., что они имеют смешанную акустико-артикуляторную природу [Трубецкой, 1960, с. 44]. В течение последних 30 лет широко распространилось понимание фонологически существенных признаков как языковых феноменов акустической природы, представленное не только в работах, написанных в русле концепции Р. Якобсона, но и в работах, отражающих современный этап развития пражской фонологии [Romportl, 1973, р. 38 ff]. В то же время в порождающей фонологии, претендующей на роль универсальной теории организации звуковой стороны языка, вопрос о природе фонологически существенных (в терминологии генеративистов — фонологических) признаков фактически обходится, хотя в качестве рабочего инструмента ими используется

система артикуляционных признаков [Chomsky, Halle, 1968, p. 299].

Вторая причина несомненно связана с трудностями выделения тех особенностей структуры акустического речевого сигнала, восприятие которых обеспечивает различение сходных звучаний, т. е. тех акустических эффектов, которые объективно выступают в разных языках как различительные признаки кратчайших звуковых единиц — фонем. На следствиях этой причины необходимо остановиться подробнее.

При построении теории фонологически существенных признаков фонологи с самого начала опирались на факт взаимосвязи трех рядов явлений, с которыми лингвисты имеют дело при изучении звуковой стороны языка, а именно — артикуляционного ряда (деятельность органов речи при звукопроизводстве), акустического (сами звуки речи и их последовательности как собственно физические явления, вызываемые целенаправленной деятельностью человеческого речевого аппарата) и перцептивного ряда (процессы отождествления и различения слышимых человеком речевых сигналов на основе хранящихся в его мозгу слуховых образов слов). Артикуляционная деятельность, направленная на производство звукового речевого сигнала, представляет собой относительно непрерывную последовательность движений органов речи, развертывающуюся во времени. Сам речевой сигнал, производимый речевым аппаратом и воспринимаемый слуховым анализатором человека, — это также некая относительно непрерывная последовательность колебаний воздушной среды, развертывающаяся во времени. Наконец, процессы восприятия речевого сигнала являются специфической деятельностью человека, также протекающей во времени. Объективно явления данных трех рядов связаны друг с другом причинно-следственными отношениями: более или менее длительная деятельность органов речи порождает акустический речевой сигнал, а действие акустического речевого сигнала на слуховой анализатор человека, длящееся в течение какого-то времени, вызывает в свою очередь процессы речевосприятия.

Акустический речевой сигнал первоначально воспринимался человеком как линейно членимое явление, в составе которого можно лишь выделить и разграничить некоторые минимальные, следующие друг за другом и обладающие собственной временной протяженностью участки — слоги. Лишь позднее было выяснено, что слоги представляют собой образования из разнородных элементарных звуковых единиц — согласных и гласных. Выделить в составе этих последних какие-то стороны, которые были бы функциональной реальностью для говорящих на данном языке, оказалось еще труднее, потому что звуки речи воспринимаются человеческим ухом как не дискретные акустические явления. Пожалуй, есть только три признака акустического характера, имеющие действительно универсальный характер и легко выделяемые на слух без помощи специальных приборов — вокальность, шумность

и сонорность. Эти признаки осознаются как свойства отдельных звуков речи уже на самых ранних этапах проявления профессионального интереса к звуковой стороне языка. Что же касается определения остальных объективно релевантных для тех или иных языков и воспринимаемых как таковые акустических признаков, с помощью которых различаются отдельные звуки речи, то решение этой задачи, как показал опыт последних трех десятилетий, еще далеко от осуществления.

Несколько легче поддаются анализу наши слуховые впечатления (слуховые образы) от отдельных линейных участков акустического речевого сигнала. Еще до разработки исследовательских методик перцептивной фонетики языковеды смогли вычленить отдельные стороны слуховых впечатлений от сходных звуков речи, прибегая, в частности, к сопоставлению звуков речи со звуками неречевого происхождения. Об этом свидетельствует появление таких терминов, как взрывность, твердость, мягкость, звонкость, глухость, сила, слабость, шлавность и т. д.

В отличие от акустического речевого сигнала и процессов звуковосприятия артикуляционная деятельность человека объективно допускает — по крайней мере частично — прямое наблюдение за работой органов речи. В силу этого с самого начала существования фонетики как науки деятельность органов речи исследовалась гораздо детальнее. Это позволило определить элементарные артикуляции отдельных активных органов речи и их ориентированность по отношению к различным участкам речевого аппарата, используемые при образовании конкретных звуков разных языков (образование затвора или щели, округление губ, участие передней или задней части спинки языка, альвеолярность, велярность и т. д.). Неоспоримым доказательством успехов артикуляционной фонетики является детальная разработка и дальнейшее совершенствование артикуляционных классификаций звуков речи. Уже к началу XX в. эта наука располагала достаточно надежными сведениями об артикуляционной стороне речевой деятельности, в том числе и о тех комплексных артикуляциях, которые используются в различных языках для произнесения отдельных звуков.

Вполне естественно, что в этих условиях фонологи должны были и могли обратиться прежде всего к данным артикуляционной фонетики. Большую роль сыграли при этом и тезис И. А. Бодуэна де Куртенэ о произносительно-слуховом характере языка [см., напр.: Бодуэн де Куртенэ, 1963, 1, с. 193], и предложенные им понятия кивемы как не разложимого далее произносительного или фонационного элемента и акусмы как не разложимого далее акустического или слухового (аудиционного) элемента [см., напр.: Бодуэн де Куртенэ, 1963, 2, с. 290].

Таким образом, обращение к артикуляционно-фонетической и перцептивно-фонетической терминологии для обозначения фонологически

существенных признаков фонем на первом этапе развития фонологии было вполне понятным и оправдывалось уровнем тогдашних знаний о звуковой стороне языка. В этой связи представляет большой интерес относящееся к началу 50-х гг. высказывание А. А. Реформатского о терминологических трудностях, связанных со сложностью определения фонологически существенных признаков. Оно настолько примечательно, что имеет смысл привести его полностью: „Несомненно, решающим в речи является акустический эффект, и в идеале всю фонологическую номенклатуру следовало бы строить на акустических терминах, но: 1) акустическая терминология мало разработана, 2) многие термины имеют и артикуляционный, и акустический смысл одновременно (назализация, лабиализация и т. п.) и 3) главное, что под каждым явно артикуляционным определением (как „взрывность“, „фрикативность“, „переднеязычность“ и т. п.) разумеется получающийся соответствующий акустический эффект, называемый метонимически по сопутствующей артикуляции, так как это привычнее и понятнее” [Реформатский, 1970, с. 378].

Однако трудности терминологического характера испытывают и те фонологи, которые последовательно рассматривают фонологически существенные признаки как единицы, обладающие от природы акустической субстанцией. В частности, это подтверждается анализом получившей значительное распространение терминосистемы, предложенной в 50-е гг. Р. Якобсоном и его сотрудниками для обозначения 12 пар акустических дистинктивных признаков, которым приписывалась универсальная значимость для всех языков мира (вокальный—невокальный, консонантный—неконсонантный, низкий—высокий, компактный—диффузный, бемольный—небемольный, дизонный—недизонный, непрерывный—прерывный, глухой—звонкий, абруптивный—неабруптивный¹, резкий—нерезкий², напряженный—ненапряженный, назальный—неназальный) [Якобсон, Фант, Халле, 1962, с. 177—210].

Уже сами авторы этого списка признавали, что в нем содержится ряд групп терминов с различной предметной отнесенностью. На неоднородность включенных в него терминов указывал в начале 60-х гг. А. А. Реформатский [Реформатский, 1961, с. 107, 121]. В нем представлены и собственно акустические термины (вокальный, невокальный, низкий, высокий, бемольный, небемольный, дизонный, недизонный), и артикуляционно-физиологические (непрерывный, прерывный, напряженный, ненапряженный, назальный, неназальный), и термины, внутренняя форма которых указывает на особенности слухового восприятия отдельных звуков (глухой, звонкий, абруптивный, неабруптивный, резкий, нерез-

¹ В других переводах: глоттализированный—неглоттализированный.

² В других переводах: яркий—тусклый.

кий). Термины „компактный” и „диффузный” отражают визуально воспринимаемые особенности спектрограмм соответствующих звуков, указывающие на то, в какой области спектра концентрируется энергия и какие именно форманты данных звуков вследствие этого усилены. Термин „консонантный” обозначает в соответствии со своей внутренней формой не какой-либо акустический признак тех или иных звуков, но особенность их распределения, необходимость для них соседства с гласными звуками.

В то же время было бы ошибочно полагать, что и универсальная артикуляционная терминология, пропагандируемая фонологами-генеративистами, разработана в такой степени, которая позволяла бы метонимически употреблять ее для однозначного наименования всех особенностей акустического спектра отдельных звуков, объективно выступающих в том или ином языке как фонологически существенные признаки соответствующих фонем. Анализ предложенной в конце 60-х гг. Н. Хомским и М. Халле системы универсальных звуковых признаков, опирающихся на артикуляционную основу, говорит о другом.

Входящие в эту систему признаки обозначаются следующими терминами: сонорный—несонорный (шумный), вокальный—невокальный, консонантный—неконсонантный, переднеязычный—непереднеязычный, передний—непередний, высокий—невысокий, низкий—ненизкий, задний—незадний, округленный—неокругленный, распределенный—нераспределенный, назальный—неназальный, латеральный—нелатеральный, непрерывный—прерванный³, мгновенный отступ—задержанный отступ, напряженный—ненапряженный, резкий—нерезкий, увеличенное подсвязочное давление, звонкий—глухой, прикрытый—неприкрытый, гортанное сужение, щелкающий с велярной смычкой, имплозивный, взрывной с велярной смычкой, надгортанный [Chomsky, Halle, 1968, p. 299—300].

Перечисленные термины отражают не только артикуляционную сторону звукопроизводства. Собственно артикуляционно-фонетическими обозначениями в этом списке являются: переднеязычный, непереднеязычный, передний, непередний, высокий, невысокий, низкий, ненизкий, задний, незадний, округленный, неокругленный, назальный, неназальный, латеральный, нелатеральный, непрерывный, прерванный, мгновенный отступ, задержанный отступ, напряженный, ненапряженный, увеличенное подсвязочное давление, прикрытый, неприкрытый, гортанное сужение, щелкающий с велярной смычкой, имплозивный, взрывной с велярной смычкой, надгортанный и, по-видимому, распределенный и нераспределенный. Термины „звонкий”, „глухой”, „резкий” и „нерезкий” указывают на особенности слухового восприятия отдельных зву-

³ В других переводах: проходной—непроходной (смычной).

ков. Термины „сонорный“, „несонорный“, „вокальный“ и „невокальный“ отражают особенности акустической структуры соответствующих звуков речи. Термины „консонантный“ и „неконсонантный“, как уже говорилось выше, обозначают особенности распределения обладающих этими признаками звуков в составе звуковых оболочек слов и их форм.

Таким образом, единый принцип обозначения звуковых признаков не выдержан последовательно ни в акустически ориентированной системе различительных признаков по Jakobson—Fantu—Халле, ни в артикуляционно ориентированной системе фонологических признаков по Хомскому—Халле.

С нашей точки зрения, существует и еще одна — третья — причина, объясняющая по крайней мере склонность фонологов к использованию терминов артикуляционной фонетики в рамках терминосистем, предназначенных для обозначения фонологически существенных признаков. Она заключается не только и не столько в том, что явления акустического ряда, „смежные“ с явлениями артикуляционного и перцептивного рядов, удобнее обозначать терминами, заимствованными прежде всего из артикуляционной фонетики. У такого употребления терминов и связанного с ним заимствования фонологией нефонологических понятий есть вполне определенные гносеологические корни — успехи артикуляционной фонетики, исследующей работу речевого аппарата при производстве звуков речи различных языков.

Дело в том, что артикуляционная фонетика подобно фонологии также допускает функциональную точку зрения на изучаемые ею явления, т. е. комплексные артикуляции, направленные на производство отдельных звуков речи, и это дает весьма интересные результаты. Функциональная точка зрения позволяет, напр., вычленив в комплексных артикуляциях их мельчайшие составные части — элементарные артикуляции. Элементарные артикуляции (округление губ, движение языка в вертикальной и горизонтальной плоскости в полости рта, образование затвора или щели, опущение или подъем мягкого неба и т. д.), по-видимому, действительно являются первичными или основными единицами, используемыми в процессах звукопроизводства, и понятие о них могло бы стать основным понятием теории артикуляционной деятельности. Различные комбинации элементарных артикуляций (комплексные артикуляции), выработанные в ходе истории какого-либо языка для производства звуков данного языка, бесспорно представляют собой артикуляционные корреляты кратчайших линейных единиц его звукового строя⁴.

⁴ Известный западногерманский специалист в области речеведения И. Форхаммер предлагал для обозначения этих комплексных артикуляций термин „лаемы“ (от греч. *lalein* „говорить“).

Анализ роли, которую играют элементарные артикуляции в составе комплексных артикуляций, показывает, что они обладают функцией, позволяющей рассматривать их как артикуляционные аналоги различительных признаков собственно звуковых единиц — фонем. В этой функции они отличают одну комплексную артикуляцию от другой. Так, наличие губного затвора отличает комплексную артикуляцию, необходимую для произнесения русского согласного [м], от комплексной артикуляции, с помощью которой образуется русский согласный [н]. В последней в качестве одного из ее элементов присутствует затвор, образуемый передней частью спинки языка с верхними зубами и нижним краем альвеол.

Именно потому, что функциональный подход к изучаемым явлениям оказался возможен уже в артикуляционной фонетике, лингвисты, начиная с Трубецкого, стали использовать и в теории фонологически существенных признаков, и в практике фонологических описаний звуковых систем различных языков понятия из арсенала артикуляционной фонетики, обозначая акустические характеристики звуков „метонимически по сопутствующей артикуляции, так как это привычнее и понятнее”. Действительно, если каждой элементарной артикуляции должен соответствовать какой-то частный акустический эффект, очень заманчиво предположить, что именно эти частные акустические эффекты и являются теми фонологически существенными признаками, из которых складывается фонологическое содержание фонем того или иного языка, и перенести свое представление об элементной структуре комплексных артикуляций на соответствующие им собственно звуковые единицы. Однако такой перенос при всей его логичности приводит лишь к появлению еще одной гипотезы об элементной структуре акустического спектра звуков речи, гипотезы, которая в силу своей прямолинейности весьма уязвима. К тому же при этом упускаются из виду отмеченные еще Бодуэном де Куртенэ факты, когда кинема, т. е. элементарная артикуляция, не производит никакой акузмы, т. е. частного акустического эффекта⁵. Объективно релевантные акустические признаки продолжают и в этом случае оставаться величинами, ускользающими от точного определения.

Почему же фонологи, которые должны хорошо осознавать всю алогичность ситуации, тем не менее продолжают использовать в теории фонологически существенных признаков термины артикуляционной и перцептивной фонетики? Не является ли такое терминопотребление свидетельством того, что фонология исчерпала здесь свои возможности, или даже показателем того, что теория фонологически существенных

⁵ Ср., напр.: „...кинема сжатия или смычки органов исключает в данный момент акузму, получаемую только в момент взрыва как прекращения смычки” [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 290].

признаков — это псевдотеория, на сомнительный характер которой указывает прежде всего разнородность ее понятийного аппарата? И, может быть, некоторые из основателей Московской фонологической школы были правы в своем скептическом отношении к необходимости введения самого понятия различительного признака фонемы?

Действительно, употребление таких метонимий само по себе не свидетельствует о дальнейшем поступательном развитии теории фонологически существенных признаков. Однако сознание метонимичности этих терминов является источником постоянной неудовлетворенности для фонологов, напоминая им о том, что: 1) термины артикуляционной фонетики, которые используются для обозначения фонологически существенных признаков звуков, т. е. неких постулируемых нами частных акустических эффектов от элементарных артикуляций, на самом деле обозначают причины, чье действие лишь могло повлечь за собой возникновение этих эффектов; 2) в свою очередь термины перцептивной фонетики также называют не фонологически существенные признаки звуков, а некоторые особенности нашего восприятия этих звуков, т. е. следствия, вызванные наличием у последних определенных акустических параметров. Одновременно „фонетические метонимии” напоминают фонологам о том, что фонология — это одна из отраслей фонетики, имеющая ряд точек соприкосновения со смежными фонетическими науками, и о том, что сложная задача выявления объективно релевантных акустических признаков звуков речи в разных языках может быть решена лишь с помощью использования результатов, полученных смежными отраслями фонетики. Это станет возможным тогда, когда удастся показать на основе данных акустики речи и исследований речевосприятия, в какой мере отдельные стороны звуков речи как акустических феноменов действительно являются коррелятами элементарных артикуляций и какие именно акустические свойства звуков речи представляют для носителей тех или иных языков функциональную реальность как признаки, используемые в данных языках для отождествления и различения отдельных фонем в различных позициях в условиях реального речевого общения.

**THE THEORY OF PHONOLOGICALLY RELEVANT FEATURES
AND THE "PHONETIC METONYMY"**

M. R A Y E V S K Y

S u m m a r y

In current theories of DFs a chiefly articulatory phonetic terminology is made use of. This leads inevitably to the substitution of the description of the elementary movements of the organs of speech for the real object of investigation, the DFs of phonemes. The inventory of the functionally relevant sound features may be established only on the basis of a detailed investigation of the processes of speech perception.

ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн де Куртене, 1963 – Б о д у э н д е К у р т е н э И. А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963, т. 1, 2.

Реформатский, 1961 – Р е ф о р м а т с к и й А. А. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка. – В кн.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961, с. 106–122.

Реформатский, 1970 – Р е ф о р м а т с к и й А. А. Из истории отечественной фонологии. – М., 1970.

Русская грамматика, 1980 – Р у с с к а я г р а м м а т и к а. – М., 1980, т. 1.

Стеблин-Каменский, 1974 – С т е б л и н - К а м е н с к и й М. И. Спорное в языкознании. – Л., 1974, с. 74–80.

Трубецкой, 1960 – Т р у б е ц к о й Н. С. Основы фонологии. – М., 1960.

Якобсон, Фант, Халле, 1962 – Я к о б с о н Р., Ф а н т К. Г. М., Х а л л е М. Введение в анализ речи. – В кн.: Новое в лингвистике. М., 1962, вып. 2, с. 173–230.

Chomsky, Halle, 1968 – C h o m s k y N., H a l l e M. The Sound Pattern of English. – New York, Evanston, London, 1968.

Romportl, 1973 – R o m p o r t l M. Studies in Phonetics. – Prague, 1973, p. 37–58.

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Кафедра немецкого языка

Вручено
10 сентября 1984 г.